

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXIV Buenos Aires, Martes 25 de Julio de 1972

Буэнос Айрес, вторник 25 июля 1972 года

№ 1170

Алексей Ростов

ПРОЦЕСС МОНАРХИСТОВ - ПОДПОЛЬЩИКОВ

Жутко вспомнить начало 1930 года, этого страшного года свирепого террора по всей стране и сплошной принудительной коллективизации, остановленной в апреле сталинской статьей «Головокружение от успехов». В декабре 1929 года в Москве на площадях комсомольцы плясали вокруг костров из православных икон, которые были отняты у набожных людей. В Ленинграде пошла вторая серия арестов научных работников по «делу Академии Наук» и в ночь на 14-ое января нового стиля («старый» новый год!) заместитель начальника оперативного отдела ОГПУ Мосевич лично приехал арестовать впервые за 200 лет существования Академии Наук всемирно известного академика Сергея Федоровича Платонова с его младшей дочерью Марией, сопровождавшей его при командировке в Париж.

В конце месяца начался в ленинградском суде процесс «Кирилловцев», о котором печать давала лживые, как всегда, сообщения. Теперь (для возбуждения советских читателей против Главы Династии и его покойного отца) ленинградский ежемесячный журнал «Нева» в февральском номере 1972 года поместил лживую, но содержащую неведомые доныне данные о следствии по этому делу в статье чекиста Сапарова «Фальшивые червонцы. Из чекистских будней».

Мне довелось встретиться после моего ареста в ночь на 5-ое февраля единственного из нерастерянных подсудимых, а в августе того же года провести в общей камере третьего корпуса Дома Предварительного Заключения около месяца с адвокатом (правозаступником) Джавровым, защищавшим двух из пяти подсудимых, который мне лично сообщил неизвестные данные по этому делу. Потом Джаврова взяли из нашей камеры и его судьба мне неизвестна. Но ему было тогда лет 50 (еще дореволюционный адвокат) и теперь было бы свыше 90 лет, если его выпустили живым из этого мрачного Дома, а потому спокойно могу привести его рассказ, ибо он вне пределов досягаемости советских чекистов.

Но сначала изложу рассказ Сапарова, а потом мои к нему поправки. Согласно Сапарову, осенью 1928 года в Ленинграде и некоторых других городах появились фальшивые червонцы. Поясним, что после денежной реформы 1924 г. были аннулированы прежние керенки и советские бумажные обесцененные «дензнаки» и введен червонец, курс которого стоял высоко и не понижался. Поэтому так напугало власти появление массы фальшивых червонцев, которая могла бы их обесценить.

Впервые они были обнаружены в Москве в кассе вокзала, продававшего билеты на Севастополь и Кисловодск. Затем они были обнаружены в трех местах в Ленинграде: в магазине Гостинного Двора, на Ситном рынке и в магазине готового платья на ул. Красных Зорь (бывший Каменноостровский проспект). 14 октября начальник ОГПУ в Ленинграде дал приказ о розыске, в котором указано, что, по агентурным сведениям из Германии, червонцы выпускает «антисоветская организация Великого Князя Кирилла Владимировича — Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота». Данные исходили от сотрудничавшей с ОГПУ германской полиции города Дандига, где эти червонцы печатал генерал Петр Владимирович Глазенап, представитель Великого Князя на этот тогда «вольный город». Дальше идет ряд выпадов против этого генерала и близкого к нему князя Бермонда-Авалова.

Оба они были убежденные монархисты-легитимисты.

Начальник Ленинградского ГПУ Мессинг поручил расследование начальнику КРО латышу Эдуарду Салину (Контрразведывательное отделение), который вызвал чекиста Цаплина и сказал ему, что три червонца представил торговец из Старой Ладogi Емельян Комаров, которому их «всучили» в Старой Ладогe. Туда отправился чекист Цаплин под видом инструктора Осовиахима Морозова.

Тем временем погранохрана сообщила 21 октября 1928 г., что должен перейти границу «кирилловец» лет 35-40 с документами на имя Дернова. Впрочем может быть вместо этого он имеет паспорт на имя Попова, Дорна, Добровского или Мотивко.

По пути в Старую Ладогу Цаплин узнал у цыган, что можно ночевать у старшего почтаря Филиппа Окунева, который недавно получил выговор по службе за то, что принял и передал, не разобравшись, фальшивые червонцы. Цаплин остановился у него и узнал что в его отсутствие дочери почтаря Клавдия вручил эти деньги какой-то видный господин. Они втроем отправились на другой день на рынок, где снова кто-то, которого опознала юная Клавдия вручил торговцу фальшивые червонцы. Оказалось, что это некий Биткин, который судился в прошлом за дезертирство из Красной Армии, потом амнистирован и сейчас член церковной двадцатки в селе Дубно. Они отправились его обыскивать под предлогом поисков самогонного аппарата.

Приехав к нему, они, разумеется не нашли самогонного аппарата, но за иконой, висевшей в углу в мешочке, нашли 245 фальшивых червонцев и его арестовали.

На допросе Николай Сергеевич Биткин уверял, что нашел мешочек с червонцами в Ленинграде на рынке и не понял, что они фальшивые.

Перебирая прошлое арестованного Биткина, чекисты выяснили, что он дезертировал из посланного против наступавшего генерала Юденича Гатчинского полка 5-го октября 1919 г. и организовал шайку дезертиров, которая среди других налетов ограбила кассира 22-го февраля 1920 г.

Напуганный судом и угрозой расстрела за эти теперь обнаруженные преступления Биткин сознался, что ему вручил эти деньги его шуриин Федор Игнатьевич Федотов, служащий в Ленинграде на судостроительной верфи. Тогда начали выслеживать Федотова.

Тем временем поступило из Германии донесение, что генерал Глазенап выехал с докладом в Кобург к Великому Князю Кириллу Владимировичу и доложил, что посылает в СССР полковника Петровского, который нелегально перейдет границу в Латвию.

ОГПУ выяснило, что работающий на верфи Федотов был в мировую войну драгуном и денщиком командовавшего лейб-гвардии драгунами генерала Глазенапа. Долго выслеживали Федотова, скромно жившего в нанятой комнатке и отправившего в деревню жену с детьми. Через несколько месяцев выяснили, что он приедется франтом и поехал кутить с «девицей», известной милиции под кличкой «Маруськи-Пистолет». От нее вывели, что он кутит с ней, но она ничего о нем не знает. Затем выяснилось, что через несколько дней приехала к Федотову жена Биткина и сообщила об аресте мужа. Следившие за ним чекисты установили, что он после (Продолжение на 2-й стр.)

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

Русская Церковь в подполье

Скорбное убеждение покойного Бориса Владимировича Талантова в том, что «на Западе патриарха Сергия чуть ли не считают спасителем православной Церкви в России («Иродова закваска» «Н. С.» № 1159) теперь могло бы несколько измениться если бы он дожил и смог бы достать новую книгу Флетчера по вопросу о положении православной Церкви в России.

Книга эта (William C. Fletcher «The Russian Orthodox Church Underground, 1917-1970» London, Oxford University Press, 1971) явилась плодом многолетних исследований профессора Канзаского университета Вильяма Флетчера. Флетчер имел перед другими исследователями церковной жизни в России то преимущество, что ему был открыт доступ не только к материалам опубликованным на Западе, но и к многим «исследованиям», религиозной жизни, сделанным в советской России, опубликованным и неопубликованным, и даже к некоторым материалам судебных процессов над верующими.

Свой интерес к православию в катакомбах автор мотивирует так: «Для историка, исследующего религию, очень много интересного можно найти при изучении образцов развития подпольной Церкви в советский период. Трудности испытываемые религиозными организациями за последние 50 лет в СССР создали прямо-таки «лабораторные условия» для развития наиболее упорных форм религиозного движения. Условия, при которых это развитие происходит в СССР, не имеет параллелей в истории Церквей всего мира. Изучение религиозных организаций в специфическом климате советского режима, позволяет, до некоторой степени, проникнуть в самую сущность религиозного движения вообще.

В библиографии указано 115 названий книг (28 опубликованы в Советском Союзе) 119 журнальных статей (88 советских), 22 газеты и 45 периодических изданий. И хотя в предисловии Флетчер тепло благодарит исследователей Советского Союза за предоставленный ему материал, использует он его очень острожно: берет факты, но делает из них свои собственные выводы. Так, по мнению автора, «приспособленчество» патриарха Сергия только временно облегчило положение православной Церкви в России в 1927 году, но не спасло ее от почти полного разгрома в середине тридцатых годов. В 1938 году из 163-х епископов патриарха Сергия осталось только 4, остальные были убиты или сосланы; из 30.000 церквей осталось (по официальным данным, вероятно, преувеличенным) 4225. Связь приходов с центром перестала существовать.

По заключению автора, спасло и спасает православную Церковь в России ее уход в подполье вместе с уцелевшими епископами и священниками, не согласными с Сергием, а также, по выражению автора, ее «живучесть». «Церкви были разрушены, но люди остались преданными религии». Перепись 1937 г. которая включала вопрос о религии, показала, что более половины населения Советского Союза назвали себя верующими. Результаты этой переписи не были опубликованы т. к. советское правительство аннулировало ее «по техническим причинам». Русская православная Церковь всегда зависела больше от прихожан, чем от священнослужителей. «Родители, а чаще дедушки и бабушки, и теперь учат детей религии, как они делали это веками». Автор приходит к

заключению: советская власть терпит легализованную церковь только потому, что она является как бы предохранительным клапаном, отдушиной, через которую многочисленные верующие находят некоторое удовлетворение своим духовным запросам. «Не будь патриаршей церкви, которую власть может контролировать, еще больше верующих людей уйдет в подполье С ГРОМАДНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ЭНЕРГИИ». Автор утверждает: «коммунисты находят, что цена полного подавления религии для атеистического режима больше чем неудобства терпеть ее».

Меня особенно поразили и склонили к доверию автору его примеры того, каким образом верующие в России преодолевают препятствия со стороны властей при соблюдении церковных обрядов. Эти примеры как будто взяты из моей собственной жизни и жизни моих близких! Венчание ночью в заброшенной церкви священником, скрывающимся под видом бродяги-нищего, крещение внуков бабушкой, заочное отпевание умерших над землей и присоединение этой земли к далекой могиле, уход священников и монахов в другие профессии, оставаясь священнослужителями. Все это так знакомо. Автор рассказывает об интересном случае, когда, к удивлению властей, в Ташкенте, главного хирурга больницы хоронили в облачении епископа, которым он и был, но скрывался и работал хирургом.

Флетчер приводит сотни примеров религиозных подвигов верующих в СССР, взятых из советской же прессы.

Как на основные трудности при изучении жизни подпольной Церкви автор указывает: 1) члены Церкви, организации запрещенной, естественно, избегают всякой гласности. 2) Советская власть скрывает информацию, публикуя только то, что ей выгодно для антирелигиозной пропаганды. 3) Некоторые поклонники советской власти на Западе помогают затемнить вопрос уверяя, что подпольной церкви в Советском Союзе нет.

Другое, по моему мнению важное, заключение автора таково: К материалам русских эмигрантских организаций, и особенно русской зарубежной Церкви, нужно относиться внимательно. Раньше, по словам автора, «этот материал игнорировался т. к. считалось, что он исходит от убежавших антикоммунистов, заведомых врагов советской власти, и ему нельзя доверять. Однако, в последние 10 лет сведения, исходящие от эмигрантов были подтверждены новыми доказательствами. Например, повесть Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича» подтвердила правильность утверждений эмигрантов о концлагерях».

Придя к заключению, что к эмигрантской печати нужно относиться внимательно, Флетчер часто ссылается на видных деятелей русской зарубежной Церкви — о. Михаила Польского, о. Г. Граббе и других. Материалы, собранные Академией Наук СССР о подпольных религиозных организациях также подтверждают данные ранее эмигрантами сведения о подпольной жизни Церкви. Например в статье Гагарина «Отход от сектанства в Коми АССР», на которую сослался Красников в Ленинградском журнале «Наука», говорится: «При исследовании найдены сочинения теологического характера, документы религиозных споров, религиозные песни, стихи и трактаты. Как правило они написаны от руки или напечатаны на машинке, но

этого поехал на завод, где в конторе встретился с плановником **Карташевым**. Отдел кадров сообщил, что этот Карташев б. офицер драгунского полка, работает уже много лет и пользуется хорошей репутацией.

Куча чекистов следила за обоими и выяснила, что однажды вечером Н. Карташев встретил в темноте около памятника Медного Всадника высокого мужчину, которого повел к себе на квартиру ночевать. Далее рассказано, что этот высокий мужчина перешел латвийскую границу 28 октября 1928 г. и шел всю ночь пешком по лесам и болотам. Утром, подкрепившись хлебом с салом и водой, продолжал идти пешком, прячась от проезжавших на грузовиках пограничных патрулей и ночуя в сараях. Через два дня он встретил фургон, владелец которого — управляющий колхозом предложил его подвезти к Пскову, от которого оставалось 5 километров. Мужчина не догадался, что его на границе выследили чекисты, издав его провожавшие, а «дядя» на фургоне тоже был чекистом. Болтливый возница не рнушал подозрений и он, сказав, что должен навестить друга по пути в Ленинград, просил возницу взять ему билет, чтоб самому придти лишь к приходу поезда и тем избежать слежки на вокзале. Он закурил в рестораничке и туда ему возница принес купленный билет. В поезде в его вагоне оказался молодой студент (на самом деле чекист, его сопровождавший), который спал всю дорогу.

Выйдя в Ленинграде, он провел день, заметая следы и выехал на другой день в Смоленск, имея от Глазенапа поручение завербовать проживавшего там офицера в «кирилловскую» организацию. Ехал на Москву в спальном вагоне, но ночью, идя в уборную, подслушал, как чекисты расспрашивали проводницу и показывали чьи-то снимки. Тут он понял, что и возница и студентик в вагоне были следившими за ним чекистами и что в Москве его ждет арест. Он незаметно вышел из поезда на станции Клин, бродил целый день по городу и вечером выехал местным поездом. В Москве уговорил старушку взять ему билет на Смоленск, чтоб не стоять в очереди у кассы, приехал в Смоленск и пошел обедать в извозчицью харчевню, но за обедом вошли неизвестные и попросили его выйти с ними на улицу. Он вскочил, сильным кулаком сбил обоих с ног, выскочил, сбил еще третьего и скрылся в темном переулке. Утром он пошел узнавать адрес нужного ему корнета рождения 1893 г. Девица в адресном бюро сказала, что он умер. Какой-то старик-сосед сказал ему: «расстрелян за шпионаж. Тебя тоже расстреляют, когда схватят.» Он понял, что ему готова за сада и вернулся в Ленинград частью на открытых платформах, частью пешком, частью в поездах без билета, соскаки-

иногда встречаются и литографические» т. е. подтверждается существование подпольной церковной литературы.

Автор также указывает, что теперь советские антирелигиозные исследователи пользуются ранее засекреченными судебными документами, показаниями на суде религиозных руководителей, но они пользуются этими признаниями без учета того, что признания могли быть вынуждены насильем или страхом. Флетчер предупреждает, что пользуясь материалом из Советской России, нужно все время помнить, что он собирался как орудие подавления религии и что после сравнительного послабления преследования религии во время войны и после нее, когда Советы были вынуждены обратиться за помощью к Церкви патриарха Алексия, за последнее десятилетие гонения значительно усилились. Как пример особой жестокости, Флетчер приводит опубликованные в советской печати случаи лишения верующих родителей прав на их собственных детей. У родителей, которые учат детей молиться, детей отбирают и посылают на воспитание в заведомо антирелигиозные приюты.

Большая часть книги, может быть самая интересная, посвящена различным течениям православия в катакомбах (книга освещает только православие и не касается других религий в России). Как и нужно было ожидать, без центрального руководства, или под руководством, которому не доверяют, разрозненные группы верующих каждая по своему толкует православие.

Самая большая группа подпольной церкви это так называемые «Истинно Пра-

вая на станциях: измученный, он отправился по явке у Медного Всадника к корнету Карташеву. На другое утро после ночевки у Карташева гостя арестовали на улице бросившиеся на него сзади четыре чекиста. Карташева взяли на дому.

Мне не совсем понятно, почему автор не упоминает другого арестованного офицера **Гойера**.

Далее рассказано, как установили, что пойманный — штаб-ротмистр **Альберт Христианович Шиллер**, уже много раз бывавший нелегально в России под разными фамилиями и всегда благополучно удиравший. Послал его генерал Глазенап, фальшивые червонцы получил в Берлине от сенатора Арцимовича и его сына ротмистра лейб гвардии кирасирского полка Георгия, которые принадлежали к «кирилловцам». Затем кратко изложено, как на очных ставках Федотов, желая себя спасти, уличал Шиллера. Как добились сознания от Карташева, как Цаплин был лично награжден Месингом, как на суде Шиллер пытался взять обратно данные следователю Цаплину показания, как суд «сурово осудил Шиллера, Федотова, Карташева и других (однако умолчано о том, что газеты тогда сообщили: **Шиллер, Гойер, Карташев и Федотов** приговорены к расстрелу, а **Биткин** к 10 годам заключения). На этом кончается рассказ в журнале «Нева».

Теперь перейду к моим личным воспоминаниям.

Новый 1927 год мой двоюродный дядя, быв. до революции чиновник кредитной канцелярии министерства финансов пригласил меня, молодого научного работника встретить у него. Тогда он, как специалист, занимал довольно крупное место. На этой новогодней встрече «бывших людей» было вместе с хозяйской четой всего — 21 человек, которых презнали между собой. Моей соседкой была миловидная дама, которая мне называла впервые мной встреченных гостей. Она мне указала на своего красивого и представительного мужа быв. воспитателя Александровского Лицея Карташева и его брата бывшего гвардейского офицера Карташева, служившего плановником на каком-то заводе. Мы, все гости, ничего общего в прошлом между собой не имели, но этот вечер может обрисовать судьбу русской интеллигенции, из которых я и моя собеседница были самыми молодыми. В 1930 г. офицер Карташев был расстрелян по делу «Кирилловцев». Его жена без всякого процесса получила от «Тройки ОГПУ» 5 лет концлагеря, брат получил три года, его жена моя соседка получила ссылку в Казахстан, а был арестован по делу Академии Наук и получил в 1931 году пять лет концлагеря. Потом мне дядя говорил, что по разным поводам были еще арестованы и репрессированы (не помню, как и насколько) еще двое из гостей. Таким образом по-

вославные Христиане, которые в свою очередь, разбиваются на подгруппы «Тихоновцев» и «Молчальников» давших обет молчания. Последних особенно жестоко преследуют т. к. они совершенно отстраняются от общественной жизни и их сравнительно легко отыскать. Лучше всех организованной является, по видимому, группа называющая себя «Истинно Православные Христиане Странники». Это одна из наиболее трудных уловимых групп. В 1963 году, в городе Алма-Ата, был собран Собор этой группы; ГПУ узнало о нем и все участники были арестованы. Было захвачено при этом много документов, в том числе правила поведения (любовь, послушание, доброта, воздержание, правдолюбие и т. п.), а также наставления о том как бороться с атеизмом его же средствами. Были также захвачены исследования, доказывающие, что наука не противоречит религии. По мнению Флетчера в эту группу привлечено много молодежи.

Автор приходит к печальному заключению, что гонение вызвало раздробление православия на секты, которые вынуждены развиваться без центрального руководства, отходят друг от друга и от православия. Со многими оговорками, он сравнивает катакомбную Церковь с протестантством на Западе.

Как видно из книги, автор не придает достаточного значения существованию Зарубежной Православной Церкви. Мы же, русские православные люди, уверены, что с Божией Помощью, в свое время, Она объединит разбредшихся чад Божиих под одним пастырем.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

страдало семь человек, треть из 21 ужинавших и желавших друг другу «ново-го счастья». Мой дядя уцелел и умер от голода во время осады Ленинграда в начале 1942 года. Таким образом я за этим ужинам познакомился с одним из будущих «смертников» и, хотя он сидел от меня далеко, запомнил смутно его, но больше его брата, к которому после ужина меня подвела его жена.

Затем, как я уже говорил, мне довелось на тюремном дворе на прогулке трех общих камер третьего корпуса поглядеть «счастливого» Биткина, единственного из пяти подсудимых, который остался живым и радовался тому, что доживет свой век в концлагере. Мне говорили, что по окончании следствия следователь разрешил ему работать в столичной мастерской в Доме Предварительного Заключения, в котором мы все находились на Шпалерной № 27.

В августе в камеру № 21 третьего корпуса, где я находился с апреля, привели нового сидельца. Это был правозаступник Джавров. Мы знали из газет, что он выступал защитником по политическим процессам. Я помнил, что он выступал, защищая кого-то из подсудимых по делу «кирилловцев». Он просидел в общей камере около месяца в ожидании допроса и, видимо, нервничал, хотя говорил, что надеется выйти на свободу. Об обвинениях, которые могли бы быть ему предъявлены, не говорил. Скоро сошелся со мной, тоже юристом, профессором международного права, сидевшим по делу академика С. Ф. Платонова. Я говорил Джаврову о моих уже закончившихся допросах и предложил, если его выпустят, а нас будут судить показательным судом, взять на себя мою защиту, на что он согласился.

Постепенно он начал мне говорить о недавнем процессе «кирилловцев» и сообщил многое, о чем не писали советские газеты. Он защищал Карташева и Биткина и радовался, что ему удалось спасти жизнь последнего. Всех поразило геройское поведение Шиллера. На первом же заседании председатель, перечислив все фамилии, фигурировавшие на разных паспортах с которыми он благополучно неоднократно переходил границы, спросил: какое же его настоящее имя?

— «Я вам не отвечу, как и вас не спрашиваю, гражданин председатель вашу настоящую фамилию, хотя знаю, что все ваши советские вожди живут и подписывают законы и судебные приговоры под псевдонимами (намек на Сталина и других вождей).»

— Подсудимый, если так будете себя вести, то прикажу Вас удалить из залы суда!

— Пожалуйста, вы думаете, что мне интересно смотреть советскую судебную комедию!

— «Согласны ли Вы, подсудимый Шиллер, давать показания?»

— «Если ваши чекисты пытками у меня ничего не вырвали, то на суде и по-давно ничего не узнаете. Отчет о том, что я делал в России я обязан дать законному ее Государю Императору Кириллу Владимировичу, а не вашему советскому суду!»

Тут Джавров просил разрешения обратиться к Шиллеру. «Подсудимый Шиллер, я являюсь защитником двух подсудимых Карташева и Биткина и прошу Вас остаться в зале и давать показания в тех случаях, где это может облегчить их участь. Вы главный из всех подсудимых и суд может принять Ваши объяснения, которые укажут, что их вина в глазах суда не так велика». Шиллер выразил согласие и остался в зале до конца процесса.

На другой день заседание началось с заявления Шиллера. Обрадованный председатель решил, что он хочет изменить тактику молчания и дал ему слово.

«Гражданин председатель, вот у меня в руках свежий номер «Красной Газеты». Там сказано, что я вчера сознался и просил пощады. Вы знаете, что это неправда. Как же вы позволяете вашим советским газетам так нагло лгать?»

— «Я председатель суда, а не редактор и не отвечаю за то, что пишут газеты об этом процессе.»

— Теперь уже врете вы. Я сам видел, как вчера во время перерыва к вам подходили ваши газетчики и спрашивали, (это легко догадаться), что им о процессе писать. В советской стране врут не только газеты, но и председатель суда.»

— «Лишаю вас слова!» — крикнул председатель.

В ходе процесса Шиллер брал всю вину на себя и старался доказать, что его прежние до революции боевые друзья офицеры Гойер и Карташев и бывший денщик Федотов не знали заранее о его предстоящем приезде и посещениях, что было малоправдоподобно. Он говорил, что Федотов и Карташев растерялись, когда его увидели, что Карташев не мог ему отказать вечером в ночлеге. Это подтвердили оба подсудимых. Федотов сказал, что невольно подчинился воспитанному в нем чувству повиновения знакомому боевому офицеру.

Шиллер отказался от защитника и в заключительной речи сказал, что рад умереть за Императора Кирилла Владимировича, подчеркнув своим тоном слово «Император». Гойер сказал, что признает себя виновным по советским законам, и показал все, что знал. Прочие подсудимые просили о снисхождении.

Джавров построил свою защиту так: Карташев признал вину и для советского государства не опасен, а Биткин оказался жертвой собственной корысти. Он не монархист, не идейный противник власти, как Шиллер, и только поддался искушению разбогатеть при помощи фальшивых червонцев, которые привез ему Федотов. Он понимал, что совершает преступление из жадности к деньгам и потому не заслуживает одинакового приговора с другими подсудимыми.

Прокурор требовал всем смертной казни, подчеркивая, что Гойер производит впечатление типичного монархиста, что Карташев работал на заводе оборонного значения, где мог заниматься и шпионажем и саботажем. О Федотове сказал, что он привык следовать за «господами офицерами» по их приказу и теперь должен последовать за ними на расстрел.

Джавров говорил, что на всех произвела жуткое впечатление неожиданная сцена после оглашения приговора: все подсудимые с серьезными лицами выслушали свой смертный приговор, но Биткин бросился к Джаврову, обнял его и крикнул: «Значит, меня не расстреляют, значит, останусь жив». Всех подсудимых увел конвой. Уходя с другими приговоренными к смерти из залы, Биткин повторил конвоирам: «Вы слышали, я останусь жив!» Он даже не прощался с другими подсудимыми. Говорили потом, что, расставаясь с другими приговоренными, Шиллер с ним трижды расцеловался.

Джавров говорил, что никогда не забудет этот самый значительный процесс, на котором ему приходилось выступать: он думал, что его доводы спасут Карташева, но рад, что удалось спасти хоть Биткина. «Он крепкий мужичок, пожалуй, с какой-нибудь амнистией еще выйдет живым из концлагеря!» говорил Джавров. Он простился со мной, не зная, переводят ли его в другую камеру или выпустят на свободу. Я на свидании просил мою мать поговорить с ним, если нас будут судить, но она мне потом объяснила, что он домой не вернулся.

Теперь почему-то «Нева» нашла нужным вспомнить об этом процессе, поэтому я счел своим долгом поделиться с читателями сведениями, которые получил от Джаврова об этом суде и о героическом поведении монархиста-подпольщика Альберта Христиановича Шиллера.

Может, кто из читателей сообщит нам: была ли это действительно его фамилия и служил ли он в лейб-драгунском или другом драгунском полку.

Алексей Ростов

А Н О Н С!

А Н О Н С!

А Н О Н С!

11-го октября 1972 г.

ВЕСЕННИЙ БАЛ

Устраивает Родительский Комитет Св. Сергиевской Церковно-Приходской Школы.

СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ

Мы обращаем внимание читателей «Нашей Страны» на появившуюся в «Новом Русском Слове» статью проживающего в Израиле сотрудника этой газеты Н. Канторовича, которую приводим с некоторыми сокращениями.

Эта статья освещает отношение советских евреев к СССР и, попутно, подтверждает существование т. н. демократической оппозиции, которая, в отличие от действительных противников коммунизма, стремится к его «реформе» и «улучшению».

Одно из заседаний сионистского Конгресса в Иерусалиме было посвящено еврейскому вопросу в Советском Союзе. Заседание велось на русском языке, потому что о положении евреев в России говорили иммигранты, недавно приехавшие оттуда. Некоторые из них говорили об общем, так называемом демократическом движении в Советском Союзе.

Архитектор В. Свичинский указал, что среди советских евреев всегда было сильно чувство еврейской солидарности. Но одновременно в Советском Союзе произошел глубокий процесс ассимиляции евреев, ассимиляции добровольной.

Перемена произошла во время Второй мировой войны и после нее. В Советском Союзе начали преследовать евреев, ликвидировали их печать и учреждения, арестовывали писателей. Русский национальный шовинизм открыто выступил против евреев и последние стали терять веру в советский режим. Нелегальное обследование, проведенное в Харькове, показало, что еврейское национальное движение в стране началось с группы людей высокого интеллектуального уровня, готовых на жертвы, ради осуществления своих намерений. Их идеи потом проникли в широкую массу, главным образом, городского населения.

В том же духе высказался Александр Гиттельсон. После Второй мировой войны евреи были превращены в граждан второго разряда, эмиграция в Израиль явилась для тысяч евреев единственным исходом.

Инж. А. Стукаревич указал, что целью советской политики является полная ассимиляция еврейского народа. После Второй мировой войны советские представители открыто заявили, что нельзя допустить национальную еврейскую жизнь в Советском Союзе.

Стукаревич считает, однако, что никакой силой нельзя задержать развитие еврейского самосознания и поток иммиграции в Израиль.

Инж. Александр Фельдман указал, что трудно себе представить, что большинство евреев в России останутся евреями. Советские представители неоднократно утверждали, что нельзя допустить развитие еврейской культуры ни на

идиш, ни на иврит. Единственный исход для них — поголовная ассимиляция.

Между участниками симпозиума, произошла также дискуссия о характере нынешнего демократического движения в Советском Союзе. Началось с того, что иммигрант Владимир Левин критически отозвался о нем и атаковал тех евреев, которые принимают в нем участие.

Профессор Занд выступил против этого мнения. Демократическое движение состоит из благородных людей, ведущих отчаянную борьбу против тоталитарного режима. Еврейское национальное движение в его настоящей форме было бы немыслимо без демократического движения.

Левин говорит, что надо относиться с уважением к группе людей, которые рискуют своей жизнью в борьбе за демократические права. Его коробит лишь то обстоятельство, что некоторые из демократов, в том числе и евреи, обнаруживают непонимание сути еврейского национального движения и относятся к его участникам как к людям, которые хотят покинуть тонущее судно.

Кроме специального заседания, посвященного советскому еврейству, голос советских иммигрантов был слышен также в комиссиях Конгресса. Особенное внимание привлекло выступление Ицхака Левитана.

Левитан был сослан в Сибирь на пятнадцать лет за принадлежность к сионизму. Его чрезвычайно взволновало то обстоятельство, что русское еврейство было на Западе названо «молчаливым еврейством». «Когда мы молчали? Это — ошибка, которая нас оскорбляет и причиняет нам боль. В течение пятидесяти четырех лет существования советского режима русское еврейство не молчало, а говорило и вело непрерывную сионистскую деятельность.

Сионизм в Советском Союзе не был явным, но он существовал с самой Октябрьской революции. Клеветой является утверждение, что подсоветское еврейство было молчаливым. Наш протест подавляли и беспощадно удушали».

Левитан поэтому считает, что сионистское движение в советском еврействе, которое бурно проявилось после войны в Израиле с арабами, имеет глубокие и сильные корни в прошлом.

Левитан напомнил, что в начале сороковых годов, когда Гитлер начал войну против Советского Союза в Москве был создан Еврейский антифашистский комитет. Комитет этот послал еврейских представителей за границу собирать крупные суммы денег для помощи СССР. Оба делегата — Соломон Михозльс и Итцик Фефер — погибли впоследствии как жертвы старинского террора.

Левитан закончил свою речь призывом не повторять больше прежних ошибок. «Нельзя ни одной минуты молчать с судьбе евреев Советского Союза. Надо кричать и протестовать. Если мы не

Российское Народно-Монархическое Движение, Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии и Союз бывших Императорских Кадет извещают, что 28-го июля с. г. по случаю тезоименитства

ГЛАВЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА

в храме Св. Владимира (San Martín 344, V. Ballester) после Божественной литургии будет отслужен

МОЛЕБЕН

о здравии и благоденствии Его Императорского Высочества

† Волею Божией 21-го июля с. г. на 85-ом году жизни после продолжительной болезни скончалась

ЕВДОКИЯ ЛЕОНТИЕВНА ПОПОВА

урожд. ШАГЛИИ,

о чем с глубокой скорбью извещает дочь, сын и невестка.
Усопшая погребена на английском кладбище в Lavallol.

Письмо в Редакцию

«КОМИТЕТ СОЛЖЕНИЦЫНА»

В «Нашей Стране» была помещена статья «Русский Тиртей» Николая Казанцева, — написано толково и патриотично. В этой статье затронута мучительная дума, живущая в каждом эмигранте, который любит свою Родину и питает надежду видеть ее свободной.

Вот с этой позиции, на которой я себя считаю часовым, и хочу взглянуть в ее содержание. Первое — Солженицын в свете всего того, что известно о нем, как-то вошел в душу, стал близким и дорогим, и так как его жизнь в условиях коммунистического беззакония находится в опасности, то и живу в тревоге за него.

Я ли только так отношусь к Александру Солженицыну? О, нет! Подобно мне, а это и даже с большим восприятием, к нему относятся две-трети русской эмиграции.

Для нашего понимания Солженицын — это знамение Божье! Это Человек с большой буквы. Конечно, его назначения в

судьбе нашего многострадального народа знать мы еще не можем, но духовно мы должны монолитно слиться с Солженицыным. Нужно создать всезарубежный Комитет имени Александра Солженицына. Комитет должен будет постоянно выступать в иностранной печати в защиту Солженицына. В этот Комитет должны войти лучшие силы нашего Зарубежья, в особенности молодежь. Как было приятно, до слез радости, когда я услышал по радио, как наша молодежь в ООН дала знать, что Россия еще жива!

Комитету надо изготовить художественно-символический жетон и размножить его так, чтобы ни одного эмигранта не было без этого национального знака. Портрет Александра Солженицына должен получить достойное место во всех организациях нашего национального Зарубежья. Этот мученик должен стать символом русской совести и знаменосцем борьбы за правду. Особенно духовенство должно помочь этому Комитету. Ведь Солженицын не мог опубликовать свой роман «Август 1914 года» в Советском Союзе в частности уже только потому, что слово «Бог» должно было быть набрано с маленькой буквы.

М. Иваненко

ликвидируем советскую диаспору — диаспора ликвидирует еврейство. Советские евреи ведут героическую борьбу. Они одерживают победы. Им разрешают эмигрировать в Израиль. Но их борьба там недостаточна. Еврейство всего мира обязано им помочь в борьбе за свободу советских евреев.

**

«Наша Страна» считает неверным и оскорбляющим русский народ утверждением В. Свичинского о том, что измене-

ние отношения Сталина к евреям во время и после Второй мировой войны и преследование, которому тогда подверглись в СССР состоявшие, в подавляющем большинстве, из коммунистов еврейские организации, было названо «русским национальным шовинизмом».

В действительности, причиной перемены были мотивы поработившей Россию коммунистической диктатуры, связанные с ее замыслом мирового господства и не имевшие ничего общего с интересами России и русского народа.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 153

РАКОВЫЙ КОРПУС

Павел Николаевич сделал вид, что в дверях замешкался, и может быть не дослышал. Хороший был Чалый человек, но все-таки другого круга, других представлений, и может быть не очень солидно было связываться с ним. Русанов искал, как бы поблагодарнее ему отказать.

Вышли на крыльцо, и Чалый сразу окинул «москвича», уже развернутого Лавриком к движению. Оценил глазами и не спросил: «твоя?», а сразу:

— Сколько тысяч прошла?

— Да еще пятнадцати нет.

— А чего ж резина такая плохая?

— Да вот попалась такая... Делают так работнички...

— Так тебе достать?

— А ты можешь?! Максим!

— Еж твою еж! Да шутя! Пиши и мой телефон, пиши! — тыкал он в грудь Русанову пальцем. — Как отсюда выпишешь — в течение недели гарантирую! Не пришлось и причины придумывать! Вырвал Павел Николаевич из записной книжечки листик и написал Максиму служебный свой и домашний свой.

— Все, порядок! Будем звонить! — прощался Максим.

Майка прыгнула на переднее, а родители сели сзади.

— Будем дружить! — подбадривал их Максим на прощанье. Хлопнули дверцы.

— Будем жить! — кричал Максим, держа руку как «рот фронт».

— Ну? — экзаменовал Лаврик Майку. — Что сейчас делать? Заводить?

— Нет! Сперва проверить, не стоит ли на передаче! — тарыхтела Майка. Они поехали, еще кое-где разбрызгивая лужи, завернули за угол ортопедического. Тут в сером халате и сапогах прогулочном, не торопясь, шел долговязый больной как раз посередине асфальтового проезда.

— А нук-ка, гудни ему как следует! — успел заметить и сказать Павел Николаевич.

Лаврик коротко сильно гуднул. Долговязый резко свернул и обернулся. Лаврик дал газу и прошел в десяти сантиметрах от него.

— Я его звал — Оглоед. Если бы знали, какой неприятный завистливый тип. Да ты его видела, Капа.

— Что ты удивляешься, Пасик! — вздохнула Капа. — Где счастье, там и зависть. Хочешь быть счастливым — без завистников не проживешь.

— Классовый враг, — бурчал Русанов. — В другой бы обстановке...

— Так давить его надо было, что ж ты мне сказал — гудеть? — смеялся Лаврик и на миг обернулся.

— Ты — не смей головой вертеть! — испугалась Капитолина Матвеевна. И правда, машина вильнула.

— Ты не смей головой вертеть! — повторила Майка и звонко смеялась. — А мне можно, мама? — И крутила головку назад то через лево, то через право.

— Я вот его не пушу девушек катать, будет знать!

Когда выезжали из медгородка, Капа отвертела стекло и выбрасывая что-то мелкое через окно назад, сказала:

— Ну, хоть бы не возвращаться сюда, будь он проклят! Не оборачивайтесь никто!

А Костоготов им вслед матюгнулся всласть длинным коленом.

Но вывод сделал такой, что это — правильно: надо и ему выписываться обязательно утром. Совсем ему неудобно среди дня, когда всех выписывают — никому не успеешь.

А выписка ему была обещана на завтра.

Разгорелся солнечный ласковый день. Все быстро прогрелось и высохло. В Уш-Тереке тоже уже, наверно, копают огороды, чистят арыки.

Он гулял и размышлял. Счастье какое: в лютый мороз уезжал умирать, а сейчас вернется в самую весну — и можно свой огородец посадить. Это большая радость: в земле что-то тыкать, а потом смотреть, как вылезает.

Только все на огородах по двое. А он будет — один.

Он гулял-гулял и придумал: идти к старшей сестре. Прошло то время, когда Мита осаживала его, что «мест нет» в клинике. Уж давно они познакомились.

Мита сидела в своей подлестничной каморке без окна, при электрическом свете — после двора и легким, и глазам переносимо тут было и из стопки в стопку перекаладывала и перекаладывала какие-то учетные карточки.

Костоготов, пригнувшись, влез в усеченную дверь и сказал:

— Мита! У меня просьбочка. Очень большая.

(Продолжение следует)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. А. ТЕРЕШКОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

По сообщению из Индии, работавший на большом сталелитейном заводе в восточной Индии советский гражданин А.А. Терешков перешел с женой и двумя детьми на положение невозвращенца и получил политическое убежище в Соединенных Штатах.

РАССТРЕЛЫ

Нам пишут из Мюнхена:

Военный трибунал Северо-Кавказского округа приговорил к расстрелу советских граждан Пузака, Лозовского, Новикова и Шнянова, обвиненных в том, что они служили в Пятигорске в полиции во время оккупации этого города германскими войсками.

По тому же делу советские граждане Титов, Циось, Шевченко, Грищенко, Сергеев и Бердников приговорены к долготлетнему заключению.

Выездная сессия Краснодарского областного суда, состоявшаяся в городе Приморско-Ахтырске, приговорила к расстрелу Николая Московченко, обвинен-

ного в том, что он застрелил комсомольца Виктора Волошина и тяжело ранил егеря Алексея Ерохина, пытавшихся задержать его в прибрежном лимане Азовского моря по обвинению в браконьерстве.

ГЛАЗКОВЩИНА

Нам пишут из Нью Йорка:

В издательстве Роберта Спеллера и сыновей, получивших широкую известность благодаря поддержке, оказанной ими самозванцу Голеневскому и распространению легенды о спасении Царской Семьи из Екатеринбурга, вышла из печати на английском языке «История казаков», написанная казакцем В. Г. Глазковым.

Автор книги изображает казаков особым народом, не имеющим ничего общего с Россией и с русским народом, а казачьи области — захваченным коммунистами независимым государством, Казакней.

МИТРОПОЛИТ НИКОДИМ

Нам пишут из Нью Йорка:

Украинская газета «Свобода» сообщила, что, по полученным ею сведениям, митрополит Никодим (Ротов) отстранен от должности начальника отдела внешних сношений московской патриархии с оставлением его председателем синодальной комиссии по вопросам христианского единства и междуцерковных сношений.

Преемником митрополита Никодима во главе отдела внешних сношений будет возведенный в сан митрополита архиепископ Тульский и Белевский Ювеналий, бывший начальник духовной миссии патриархии в Иерусалиме.

Эта перемена объяснена плохим состоянием здоровья митрополита Никодима. Впервые, слух об его болезни возник во время пребывания патриарха Пимена в Иерусалиме. Спрошенный журналистами, почему митрополит Никодим не прилетел с ним из Москвы, патриарх коротко сказал, что Никодим болен, но уклонился от сообщения подробностей.

Молодой американский техник, 37 лет, русского происхождения, высокого роста, стройный, хотел бы познакомиться, путем переписки, с православной девушкой 27-35 лет. Цель — брак. Писать в газету «Наша Страна». Вох 773.

ПОКУПАЮ
ПОДЕРЖАННУЮ МЕБЕЛЬ,
ЛЕДНИКИ, ОДЕЖДУ

Т. Е. 656-2900.

НОВЫЕ КНИГИ М. КАРАТЕЕВА

, АРАБЕСКИ ИСТОРИИ — цена 15.00 новых песо;

2. ПО СЛЕДАМ КОНКВИСТАДОРОВ — цена 18.00 новых песо.

Можно приобрести в книжном киоске при Кафедральном Соборе Воскресения Христова Calle Núñez 3541.

Киоск открыт по воскресеньям с 12 до 14 часов.

С. КУРДАКОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

«Новое Русское Слово» сообщило, что получивший осенью прошлого года политическое убежище в Канаде бывший советский моряк Сергей Курдаков разъезжает по этой стране с группой протестантских проповедников и выступает в организованных протестантскими баптистскими вероисповедными общинами собраниях, обличая бесправное положение верующих в Советском Союзе. Предстоят такие же его выступления в Соединенных Штатах.

Кроме участия в упомянутых собраниях, С. Курдаков несколько раз обратился к канадской аудитории по радио и по телевидению и встретился в представительствах канадской печати.

В одном из этих выступлений, он резко отозвался о премьер-министре Канады Трюдо, назвав его бывшим коммунистом, до сих пор не отказавшимся от симпатии к коммунизму.

Свое решение стать эмигрантом С. Курдаков объяснил тем, что он «не любит системы, при которой нет свободы слова, свободы печати, свободы религии».

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — Т. Е. 44-3213.

ОТ ТОЛСТОВСКОГО ФОНДА В АРГЕНТИНЕ

Толстовский Фонд в Аргентине сообщает всем желающим и имеющим возможность помочь нуждающимся соотечественникам одеждой, бельем, обувью, одеялами и пр., что с 28-го июля 1972 г. принимает жертвуемые вещи на Roque Sáenz Peña 974, 9/A по средам и пятницам от 15 до 19 час., или в другое время по предварительному сговору по телефону 35-9835.

Тех жертвователей, которые не могут сами доставить вещи в Т. Ф., просим сообщить по вышеуказанному телефону свой адрес.

Желательно, чтобы вещи были в таком виде, чтобы их можно было бы сразу передавать нуждающимся.

Главная нужда ощущается в теплом белье, пальто, плащах, платьях, костюмах и обуви. К пакету с вещами просьба прикладывать список содержимого, обозначая имя, отчество и фамилию и адрес жертвователя.

Выдача вещей нуждающимся начнется 4-го августа 1972 г. в конторе Т. Ф. (R. S. Peña 974, 9. A) и будет производиться по средам и пятницам от 15 до 19 часов.

Т. Ф. заранее благодарят всех, кто отзовется на этот призыв.

Правление Литературно-Исторического Общества «Русская Культура» приглашает членов О-ва и симпатизирующих ему на

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

для обсуждения дальнейшей деятельности О-ва и предполагаемых докладов.

Собрание состоится в воскресенье 13-го августа 1972 г. в 17 часов в помещении Института Физической Культуры «Муром».

(O'Higgins 1368, Florida, F.N.G.V.M., Prov. Bs. As)

КНИГИ М. КАРАТЕЕВА

«АРАБЕСКИ ИСТОРИИ» — в предыдущих объявлениях цена 2000 песо была указана по ошибке: книга сейчас продается в Аргентине по 1500 песо, а по предварительной подписке продавалась по 1200 п.

«ПО СЛЕДАМ КОНКВИСТАДОРОВ» — вышла из печати и поступила в продажу. Книга иллюстрирована. Цена 1800 песо для Аргентины и 3.50 долл. для заграницы. Заказывать по адресу:

Dr. M. KARATEEFF, Balneario Atlántida, R. O. del Uruguay, или по тел. 51-7405 (Б. Айрес) предпочтительно до 2-х часов дня.

НАША СТРАНА

ОРГАН
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

Издатель-Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ
Со-Редактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

ЕЛЕНА С. ШПАКОВСКАЯ-ПИССОРНО

бесплатное
лечение корней зубов,
endódoncia, технические работы,
бор-машина ultra-sonico.
Подробности и предварительная запись в Толстовском Фонде по понедельн. и четвергам.
Roque Sáenz Peña 975/9.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora
A. V. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.
Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.
Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
Т. Е. 88-3605

Доктор
ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ
ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.
остальные дни: заказывать часы.
Pueyrredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.
Т. Е. 758-5113

VIAJE A SU GUSTO Y CONVENIENCIA

Venga a

“REX”

AGENCIA DE VIAJES Y TURISMO INTERNACIONAL

R. S. Peña 995 - 3º D

35 - 5251 - 7958

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ

РУССКОГО ТЕАТРА

ВОСКРЕСЕНЬЕ

6-го АВГУСТА 1972 г.

В 17.30 ЧАСОВ

Teatro

“DEL CARMELO”

Charcas 2443

ОДРТ

ДВА ЧАСА СМЕХА

В программе:

“ХОРОШЕЕ И ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ”,
“БЕДНЫЙ ФЕДЯ”, “ЧУЖАЯ КВАРТИРА” и
“С БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ЦЕЛЮ”.

Участвуют: М. ПАВЛОВА, Т. СЕДЛЕЦКАЯ, Д. ЭННОК, В. ВАСИН,
Р. ЛОВЦОВ, Ф. КОЛПИКОВ и Н. СЕДЛЕЦКИЙ.

Билеты заказывать по телефонам: 772-6848, 758-4512, 797-9071, 52-7426.